

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

СНАЙПЕР

ИГРА СНАЙПЕРОВ

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

ЖАРКИМ КРОВАВЫМ ЛЕТОМ

СТИВЕН ХАНТЕР

ЖАРКИМ КРОВАВЫМ ЛЕТОМ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 19

Stephen Hunter
HOT SPRINGS
Copyright © 2000 by Stephen Hunter
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Гришина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-21413-2

© А. В. Гришин, перевод, 2005
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

*Моим братьям Энди и Тимуи, моей сестре Джули,
которые уже знают эту историю,
а также моим детям Джейку и Эми
и детям Джули, Ханне и Саре,
которым только предстоит прочитать о ней*

Моя страна! Америка! Вот что это такое!

Оди Мерфи. В ад и обратно

ЧАСТЬ 1
ВЛАЖНАЯ ЖАРА

ГЛАВА 1

Отец Эрла был настоящим щеголем.

Каждое утро он тщательно брился прекрасно направленной бритвой, застегивал пуговицы чистойшей, накрахмаленной до хруста белой сорочки и завязывал черный галстук-бабочку. После этого накидывал на плечи подтяжки, надевал черный пиджак (у него было семь воскресных костюмов, и каждый день своей сознательной жизни, невзирая на погоду, он натягивал на себя один из тяжелых костюмов плотной шерсти, выписанных по каталогу «Сирс и Робак»), клал в карман коротенькую дубинку, налитую свинцом, прицеплял кобуру с «Кольцом-миротворцем» и значок, засовывал под манжет левой руки «оружие Иисуса», надевал на голову широкополый черный «стетсон» и отправлялся выполнять обязанности шерифа округа Полк, штат Арканзас.

Но сейчас Эрл вспомнил именно о галстуке. Отец гордился своими галстуками и мастерски завязывал их: узлы его бабочек всегда были квадратными, петли банта — идеально симметричными, а концы — совершенно одинаковой длины. «Нужно всегда выглядеть наилучшим образом, — не раз и не два говорил он сыну с той строгостью, которая характеризовала его отношение к жизни. — Старайся всегда выглядеть лучше всех и делать все лучше всех. Никогда не отступай. Никогда не пускай все на самотек. Живи, как велит Библия. Этого хочет Бог. Это все, что от тебя требуется».

Поэтому одной из тех бесполезных вещей, в которых Эрл так прекрасно разбирался, — например, как про-чистить забитый вулканической пылью пулемет «Браунинг А-3» почти на глазах у заседающих японцев, — было умение правильно повязать галстук-бабочку.

Бабочка, которую он сейчас видел перед собой на шее щеголеватого низкорослого человека в двубортном кремовом костюме, была завязана идеально. Сразу становилось ясно, что ее завязывал человек, любящий хорошо одеваться, знающий толк в одежде и получающий удовольствие от ношения своей одежды. Костюм сидел превосходно — между воротником и розовой шеей, равно как между накрахмаленной белой сорочкой и лацканами кремового костюма, не было ни малейшего зазора. Это был энергичный дружелюбный коротышка с маленькими розовыми ручками и свойскими манерами, знакомыми Эрлу с детства: так держат себя фермеры, парикмахеры, аптекари или менеджеры продовольственных магазинов — дружелюбно, но сдержанно, открыто от сих до сих и ни на шаг дальше.

— Знаете, — сказал Гарри Трумэн Эрлу, который смотрел вовсе не в излучавшие силу глаза этого человека, прятавшиеся за очками без оправы, а на безупречно завязанный узел бабочки, две идеально соразмерные петли по обе стороны от него и один свободный конец плотной шелковой ленты бордового цвета, испещренной мелкими синими точками, — я говорил это много раз и готов повторять снова и снова. Я согласился бы променять свой высокий пост на ту почетную награду, которую вручаю вам. Вы, парни, заставили нас гордиться тем, что сделали. Вы были лучшими из лучших и, ей-богу, никогда не подведете нас и впредь. Страна будет в долгу перед вами, доколе она существует.

Эрлу не дали заранее никакого совета насчет того, что отвечать на эти слова, а сам он не смог придумать ничего вразумительного. Умение вести светские разговоры не

входило в число его сильных сторон. Вдобавок он был изрядно навеселе после доброй трети пинты бурбона «Бун каунти», уже успевшего разойтись по всем закоулкам его организма, отчего Эрл несколько смазанно воспринимал события, в центре которых оказался. Он успешно справился с легким пошатыванием, причиной которого было виски, сглотнул слюну и постарался напрячь волю, чтобы еще некоторое время оставаться прямым, как шомпол, и сохранять концентрацию. Никто не заметит, как его развезло, если он будет держать рот закрытым и не выдыхать пары виски. Голова болела. Раны болели. И еще у него было дурацкое предчувствие, что он вот-вот расплывется в улыбке.

— Да, сэр, первый сержант Свэггер, — продолжил президент, — вы — один из лучших людей, которых когда-либо рождала эта страна.

Президент на мгновение зажмурил глаза, словно смагивал самую настоящую слезу. После этого он взял из коробочки, которую держал неподвижно стоявший чуть в стороне подполковник, золотую звезду и шагнул вперед, одновременно разворачивая ленту. Поскольку президент был мелковат по сравнению с шестифутовым Эрлом, ему пришлось чуть ли не встать на цыпочки, чтобы надеть голубую ленту на бычью шею сержанта.

Почетная медаль¹, висевшая на ленте, прикрепленной к темно-синему парадному кителю морского пехотинца, оказалась рядом с орденами и медалями, полностью закрывавшими левую сторону груди: пять Бронзовых звезд, Военно-морской крест, знаки об упоминании воинской части в приказах Верховного главнокомандующего и медаль «За отличную службу». На каждой руке ниже локтя красовалось по три нашивки, говорившие о сроке его службы. Ярко сверкнула фотовспышка; от ее неожидан-

¹ Почетная медаль — высшая военная награда США, присуждаемая за особые заслуги. Вручается президентом от имени конгресса.

ного блеска Эрл даже чуть-чуть растерялся, и почему-то в его памяти мелькнуло воспоминание о трассирующих пулях азиатов, которые оставляли в полете бело-голубой след, в отличие от американских трассирующих пуль, оставлявших красный след.

Потом инициатива перешла к капитану морской пехоты, который прибавил церемонии торжественности, зачитав выдержку из постановления конгресса: «За несравненную отвагу, далеко выходящую за пределы требований служебного долга, первый сержант Эрл Ли Свэггер, рота «А» Первого батальона Двадцать восьмого полка пятой дивизии морской пехоты, награждается Почетной медалью за боевые действия на острове Иводзима, Д плюс три, на Чарли-дог-ридж 22 февраля 1945 года».

За спиной президента стояли Смит по прозвищу Воющий Безумец и Гарри Шмидт, два генерала морской пехоты, которые руководили сражениями на Иводземе, затем министр ВМС Джеймс Форрестол и рядом с ним — Джун, жена Эрла, очаровательная, хотя и немного бледная, в цветастом платье, как всегда, красивая, но слегка расстроенная всем происходящим. Не потому, что ее окружали такие великие люди: она боялась того, что до сих пор прозревала в сердце своего мужа.

Президент схватил Эрла за руку и легонько потряс, и непосредственно за этим действием в Картографическом кабинете (так назывался этот зал, хотя в нем не было видно никаких карт — лишь множество предметов старинной мебели, как и в доме отца Эрла) раздались вежливые, не слишком энергичные аплодисменты. Эхом отразившись от стен и картин, они заполнили все помещение, похожее на музей. Дело происходило 30 июля 1946 года. Война закончилась около года назад. Эрл больше не был морским пехотинцем. Его колено почти не работало, а левое запястье все время болело: оба сустава были сильно повреждены вражескими пулями. В теле все еще сидело около тридцати кусков металла. На заднице имелся огром-

ный шрам, похожий на трещину в штукатурке, — память о Гуадалканале. Еще один большой шрам красовался на груди, чуть повыше левого соска, — его он заработал во время высадки на Тараве, преодолевая широкую полосу прибоа под шквальным огнем японцев. Последнее время Эрл работал бригадиром на лесопилке неподалеку от Форт-Смита. Рано или поздно ему предстояло лишиться кисти, а то и целой руки. Так случалось со всеми.

— Так каким вы видите свое будущее, первый сержант? — спросил президент. — Надеюсь, намереваетесь остаться в корпусе морской пехоты?

— Нет, сэр. Слишком много ранений. Левая рука почти не работает.

— Проклятье, до чего же неприятно расставаться с таким замечательным человеком, как вы. Но как бы то ни было, для вас открыты любые пути. Наша страна быстро воспрянет, вот увидите. Как говорится, все еще впереди, а Бог не выдаст. Теперь мы входим в пору нашего величия, и я знаю, что вам найдется достойное место. Вы достаточно навоевались.

— Да, сэр, — ответил Эрл.

Вежливость не позволяла возражать человеку, которым он безмерно восхищался, человеку, спалившему дотла японские города Хиросиму и Нагасаки и спасшему тем самым жизни сотен тысяч американских парней.

И все же он не был согласен с президентом. Он не мог вернуться к учебе, пользуясь так называемым Законом о военнослужащих. Не мог, и все тут. Он не мог заниматься работой, связанной с продажей или необходимостью убеждать кого-либо в чем-либо. Он не мог обучать, потому что молодежь была так глупа, а у него не осталось никакого терпения, совершенно никакого. Он не мог работать на человека, который не побывал на войне. Он не мог стать полицейским, потому что полицейские были похожи на его отца: задиры с дубинками, только и знающие, что орать. Мир, такой заманчивый и добрый для множе-

ства людей, похоже, не позаботился оставить места лично для него.

— Между прочим, — сказал президент, понизив голос и подавшись вперед, — этот бурбон, который вы пили, на мой вкус, пахнет просто замечательно. Я не собираюсь укорять вас. Слишком много идиотов вокруг, чтобы прожить день, не сделав глоток-другой. Должен вам признаться, что это всемирная столица идиотов. Если бы я только мог, если бы я не был должен заседать со всякими комитетами и тому подобным, я сказал бы вам: «Пойдемте ко мне в кабинет, прихватите с собой вашу пинту, и посидим за бутылочкой!»

Президент еще раз пожал Эрлу руку и устремил на него голубые глаза, полные такой силы и пронизательности, что казалось, он мог видеть сквозь закрытые двери. Но в следующий момент между ними волшебным образом очутилось сразу несколько человек, и президент уже шагал в одну сторону, а Эрл — в другую. Эрл даже не видел, кто направлял его движение сквозь собравшуюся в зале толпу, но вскоре оказался перед двумя генералами с таким твердым выражением на лице и взглядом, что их с трудом можно было отнести к представителям рода человеческого.

— Свэггер, мы гордимся вами, — сказал один из них.

— Первый сержант, вы были чертовски хорошим морским пехотинцем, — заявил другой. — Вы были трижды чертовски хорошим морским пехотинцем, и если бы я только мог, то сейчас же переписал бы ваши бумаги и оставил бы вас здесь. Здесь вам самое место. Здесь ваш дом.

Это был Смит — его часто называли «мясником» или «мясорубкой», но он тем не менее сумел разрушить Японскую империю, завалив ее телами морских пехотинцев: другого способа просто не было.

— Спасибо, сэр, — ответил Эрл. — Дело-то в чем: это же мне за всех тех парней, которые не смогли вернуться.

— Носите ее гордо, первый сержант, — скомандовал старик Шмидт. — Ради них.

Затем Эрла снова волшебным образом отнесло прочь, и вскоре он, наподобие пакета, дошедшего до конца ленты конвейера, оказался выброшенным в небытие. Оглянувшись, он увидел, что Джун стоит одна-одинешенька.

Джун была ослепительно хороша, хотя и слегка напугана всей этой процедурой. Она училась на младшем курсе Юго-Восточного учительского колледжа штата Миссури в Кейп-Джирардо, а он был мастер-сержантом морской пехоты, с ног до головы увешанным побрякушками и прибывшим в отпуск перед началом вторжения на внутренние японские острова. Она была красивой девушкой, а он — красивым мужчиной. Они встретились в Форт-Смите на танцах, устраиваемых Объединенной службой организации досуга войск, и поженились в конце той же недели. У них было четыре дня безумной любви, а потом он возвратился на войну, убил еще около сотни японцев, был дважды ранен, проводил на тот свет множество друзей и знакомых и вернулся домой.

— Как дела? — спросил он.

— О, все прекрасно, — ответила она. — Я вовсе не хочу, чтобы кто-то обращал на меня внимание. Это день героя, а не жены героя.

— Я же говорил тебе, Джуни, никакой я не герой. Просто везучий сукин сын, которому посчастливилось не угодить под снаряд, убивший десяток других парней. Сегодня мне дают медаль за везение, только и всего.

— Эрл, ведь ты же герой. Ты должен этим гордиться.

— Знаешь, что я тебе скажу? Все эти люди ничегошеньки не понимают. Они не знают, как все это было. То, как они себе это представляют, и то, за что они дали мне эту штуку, не имеет никакого отношения к тому, что было.

— Ты только не расстраивайся снова.

Среди многих серьезных проблем, которые имелись у Эрла, одна заключалась в том, что у него и у остального мира были диаметрально противоположные взгляды на то, что считать правильным. Из-за этого у него то и дело случались неприятности. С войны вернулось не так уж

много солдат, а поскольку Эрл был большим героем, каждый встречный стремился остановить его, сказать, что он великий человек, и изложить свое мнение по поводу войны.

Он вежливо выслушивал непрошенных собеседников, но каждый раз в его груди закипал гнев. В конце концов он переставал владеть собой, из-за чего произошло несколько весьма неприятных инцидентов.

— Нельзя же все время так сходить с ума, — сказала Джун.

— Да знаю я, знаю. Послушай, похоже, япошки все-таки выиграли войну, судя по тому, что со мной творится. Когда же вся эта пакость закончится?

Эрл привычно шагнул за спину Джун и, используя ее как прикрытие, сунул руку под китель чуть ниже поясного ремня, туда, где его отец носил дубинку, которой колотил по башке непослушных черномазых и дрянных белых парней, и где сам он носил флягу бурбона «Бун канути», чтобы подавлять непослушные мысли.

Он легко извлек ее, отвинтил крышку и поднес горлышко к губам, проделав все это с тем стремительным изяществом, которое позволяло ему, почти не целясь, без промаха попадать с двухсот ярдов по бегущим живым мишеням из простого «Гаранда», положенного рядовому первого класса.

Бурбон оглоушил его, словно упавшая с крыши куча кирпичей. Эрл почувствовал прямо-таки физическое наслаждение: все расплылось у него перед глазами, а то, что терзало душу, показалось более терпимым.

— Эрл, — сказала ему жена, — ты нарвешься на неприятности.

«Да кому какое дело?» — подумал он.

Рядом с ними вдруг возник совсем молоденький — даже без следов щетины на подбородке — капитан морской пехоты.

— Первый сержант, — негромко проговорил он, — примерно через пять минут автомобиль отвезет вас в отель.

У вас будет пара часов, чтобы сложить вещи и поесть. «Рок-Айленд» отходит с Юнион-стэйшн в двадцать ноль-ноль. Купе для вас забронировано, но вы должны быть в поезде к девятнадцати сорока пяти. Автомобиль за вами и вашим багажом подадут к девятнадцати ноль-ноль. Вас это устраивает?

— Да, сэр, — ответил Эрл этому серьезному ребенку.

Мальчишка поспешно отошел.

— Пожалуй, они могли бы приставить к тебе кого-нибудь из ветеранов, — заметила Джун. — Я имею в виду, после всего, что ты для них сделал.

— Все в порядке. Это же просто ребенок. Он не хотел меня обидеть.

Этот молодой человек напомнил ему о многих, слишком многих юнцах, которые служили под его началом и не вернулись домой — или вернулись настолько непохожими на себя, настолько изломанными и изуродованными, что им было бы лучше вовсе не возвращаться.

— Ты должен чувствовать себя счастливым, Эрл. Но я вижу, что ты несчастлив.

— Со мной все в порядке, — ответил он, ощутив внезапную потребность ошарашить себя еще одним здоровенным глотком бурбона. — Просто мне нужно заглянуть в туалет. Как по-твоему, в таком роскошном месте найдется туалет?

— О Эрл, конечно же. Нельзя жить без этого!

Около двери стоял слуга-негр. Эрл обратился к нему и был направлен в противоположный конец зала. Он нашел нужную дверь, захлопнул ее за собой и защелкнул задвижку.

Вообще-то, туалет был ему совершенно не нужен, так что он растегнул китель, извлек бутылку и сделал огромный глоток. Огонь опалил его нутро, — казалось, послышался даже грохот, с которым бурбон лился по пищеводу, — и Эрл снова почувствовал, как спиртное со всей силой ударило в голову. Еще глоток, и бутылка опустела. Проклятье!

Он взял полотенце, смочил его холодной водой и вытер лоб, отчего засевшая там боль отступила, хотя и не ушла совсем. Когда он вешал полотенце, боль уже вернулась. Пустую флягу он положил в мусорную корзину.

Затем он засунул руку под полу и извлек свой автоматический пистолет сорок пятого калибра.

Это оружие было при нем на Иводзиме, а до того — на Тараве, на Гуадалканале, на Сайпане, на Тиниане. Из него Эрлу тоже доводилось убивать, хотя из «Томми»¹ он застрелил куда больше народу. Однако эта увесистая штука на пояском ремне помогала ему сохранить рассудок. Оружие для него было не носителем смерти, а, напротив, частью жизни. Без оружия человек оказывался беспомощным и беззащитным.

Пистолет, гладкий, с коричневыми пластмассовыми накладками на рукояти и небольшой выпуклой мушкой, был заряжен. Привычным движением Эрл взвел курок и услышал щелчок. Он посмотрел на себя в зеркало: герой, морской пехотинец с медалью на шее, полный любви к своей стране, с любящей женой, с широчайшими перспективами, которые открывает перед ним восхитительная эпоха, вторая половина сороковых годов!

Он приложил дуло пистолета к виску и погладил спусковой крючок указательным пальцем. Так мало нужно, чтобы присоединиться к тем единственным людям, которые были для него важны, к которым он мог испытывать любовь. Большинство давно уже покоилось под крестами на разных дерьмовых островах — о них раньше никогда не слышали и скоро снова забудут.

— Эрл, — донесся из-за двери голос Джун. — Эрл, машина уже пришла. Поторопись, нам пора.

Эрл осторожно спустил курок пистолета с боевого взвода, засунул оружие за пояс, застегнулся, оправил китель, чтобы не было ни единой складочки, и открыл дверь.

¹ «Томми» — пистолет-пулемет Томпсона.

ГЛАВА 2

Они вышли к автомобилю из западного портика Белого дома.

— Это ваша последняя официальная церемония в качестве морского пехотинца Соединенных Штатов, — сказал молодой капитан, похожий на хорошо воспитанного ребенка. — Вам есть чем гордиться. Ваши достижения огромны. Я отдаю вам честь, первый сержант. Не салютуйте мне в ответ.

— Сынок, не тревожься об этом, — ответил Эрл. — Если я хоть немного знаю жизнь, у тебя еще будет шанс.

Они подошли к машине, оливково-серому «форду», за рулем которого сидел рядовой первого класса в парадной форме морской пехоты.

Капитан открыл дверь перед Эрлом и Джун.

Внезапно Эрл ощутил, как на него нахлынуло новое мощное чувство. Когда он сел в автомобиль и дверь за ним захлопнулась, ему показалось, будто что-то ушло от него навсегда, а именно отошедшая в прошлое часть его жизни. Начиналась новая жизнь, и куда она его заведет, он понятия не имел. Он не относился к числу людей, не знающих, что такое страх, — он испытывал почти непрерывный страх на протяжении трех лет, проведенных на Тихом океане, — но страх, который он чувствовал сейчас, был совсем другим. Это был не тот страх, который угрожал внезапно сломить тебя, вызвать у тебя панику и погубить и тебя самого, и твоих людей, — такой порой подступал

к сердцу во время интенсивного обстрела. Этот страх был куда глубже, он гнезвился в костях или даже в душе. Страх того, что вся жизнь оказалась тщетной. Он подступал к нему исподволь и уже очень давно.

Эрл покачал головой. Атмосфера здесь была гнетущей, почти такой же, как на островах. Слева возвышался Белый дом — огромный свадебный торт; с остальных сторон раскинулись лужайки с редкими деревьями, листья на которых пожухли от жары. За воротами черные флотилии автомобилей плыли по Пенсильвания-авеню.

Эрл обеими руками обнял Джун, с силой прижал ее к себе и крепко поцеловал.

— Я люблю тебя, — сказал он. — Я действительно тебя люблю. Ты — лучшее из всей той чертовщины, которая когда-либо случалась со мной.

Жена удивленно взглянула на него; помада у нее на губах размазалась.

— Я не могу ехать назад, — сказал он. — Просто не могу. Не сейчас. Я чувствую себя не очень хорошо. Скажи этому парню. Увидимся в отеле вечером, перед отъездом на вокзал.

— Эрл, ты опять будешь пить.

— Да не волнуйся ты ни о чем! — воскликнул он с деланой жизнерадостностью. — Я обо всем позабочусь.

Если на ее лице и отразилась боль, он не стал задерживаться, чтобы заметить это. Он повернулся, опустил голову, снял медаль, скомкал ленточку и положил медаль в карман. Затем он вышел из машины, повернул налево и через несколько секунд смешался с толпой безымянных американцев, спешивших на исходе дня по раскаленным улицам Вашингтона.

«КРАСНЫЕ УБИЛИ 4 МОРСКИХ ПЕХОТИНЦЕВ В КИТАЕ!» — кричал заголовок в «Стар».

Никому не было дела.

«МНОГИЕ МИЛЛИОНЫ РАСХИЩЕНЫ ПРИ ВОЕННЫХ АФЕРАХ!» — орала «Таймс геральд».

Никто не обращал внимания.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ ОПУСТИЛИСЬ НА ДВА ПУНКТА», — паниковала «Дэйли ньюс».

«БЮРО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН РАЗРЕШИЛО ПРИБАВИТЬ 11%», — успокаивала «Пост».

Эрл протискивался через все это, мимо безымянных мужчин в мягких соломенных шляпах и коричневых костюмах и женщин в цветастых платьях, тоже прятавших головы под широкополыми шляпами. Каждый встречный казался ему невозможно пестрым. За годы, проведенные в корпусе морской пехоты, он привык к тому, что мир в основном одноцветен: хаки разных оттенков, и все тут. Но Америка уже пробуждалась от затянувшегося периода военных ограничений: витрины внезапно заполнились товарами, снова можно было свободно покупать бензин, на лицах женщин стала мало-помалу появляться косметика, а мужчины начали носить веселые желтые галстуки с белыми сорочками, будто желали сообщить о приходе весенней поры, обещавшей новые надежды.

Медали на груди темно-синего парадного кителя Эрла не привлекали никакого внимания; военная форма успела намозолить всем глаза, да и медали мало что значили. Здесь вдоволь насмотрелись на героев. Многие из прохожих сами были героями. Он стал таким же безликим и безымянным: еще один никому не известный человек шагает по Коннектикут-авеню, направляясь неведомо куда. Вскоре он оказался на открытом месте — на Фаррагут-сквер с ее деревьями, скамейками и строгим адмиралом, глядящим на Белый дом. На прославленном флотоводце копошились голуби и гадили на его плечи и голову, а на скамейках сидели молодые мужчины и женщины, беседовавшие о любви и больших надеждах на будущее.

Вдруг до парка долетел басовитый гул, люди задрали головы и стали тыкать пальцами в небо.

— Смотрите, реактивные самолеты!

Высоко вверху с юго-запада на северо-восток летело звено чудесных самолетов; за каждым из четырех тянулся белый инверсионный след, обтекаемые серебряные фюзеляжи ослепительно сверкали в солнечных лучах.

Эрл понятия не имел, какого они типа, но решил, что окрашивать самолеты в серебристый цвет смешно. На Тихом океане япошки в секунду засекали бы такую блестящую птичку, а еще через секунду сбили бы. Там на самолетах малевали зеленые и коричневые пятна или делали их светло-синими, под цвет морской волны, не желая, чтобы враги заметили тебя раньше, чем ты увидишь их. Да и ничего чудесного в них не было — обычные, изрядно потрепанные боевые машины, которых к тому же всегда не хватало. Но эта четверка непонятных аппаратов мчалась вверху, подобно стрелам, волокла за собой стену звука и тянула Америку к чему-то новому. Говорили, что скоро они будут летать быстрее звука.

— Могу поспорить на что хотите, вы сейчас жалеете, что этих птичек не было с вами в Берлине, — улыбнувшись, сказал ему какой-то лысый парень. — То-то они прижгли бы задницу Гитлеру, верно, сержант?

— Верно, — согласился Эрл.

Он пошел дальше; грохот реактивных самолетов все еще отдавался в ушах. Вокруг него снова сомкнулись городские стены, и следующим экспонатом паноптикума гражданской жизни оказалось нечто, выставленное в возникшей прямо перед ним витрине, возле которой собралась плотная толпа. Это было очень похоже на кино, только его показывали на круглом экране, вделанном в ящик чуть побольше массивного радиоприемника. На серо-голубом фоне всячески выламывалась марионетка.

— Вы только посмотрите, сэр, — сказала негритянская женщина в большой старомодной шляпе с розами и вуалью. — Это называется «телевидение». Радио с картинками.

— Разве это не чудо? — отозвался Эрл.

— Да, сэр, — согласилась негритянка. — Говорят, такие будут у всех, и мы сможем смотреть кинофильмы, не выходя из дома. Больше не нужно ходить в кино. Сиди дома и смотри картину. И спорт тоже будут показывать. Знаете, бейсбол и все прочее. Хотя, честно скажу, не понимаю, кому захочется смотреть игру «Сенаторов», сидя дома.

— Что ж, мэм, — сказал Эрл, — президент сам сказал мне, что теперь все будет лучше и лучше.

— Ну, может быть, и так. Жаль только, моего Билли не будет здесь, чтобы посмотреть на все это.

— Сочувствую вам, мэм. Война?

— Да, сэр. Где-то в Италии. Он вовсе не был героем вроде вас, не получил никаких медалей. Простой санитар в госпитале. Но его все равно убили. Мне сказали, что это была мина, зарытая в землю.

— Мне очень жаль, мэм.

— Надеюсь, вы порядком уложили этих немцев.

— Нет, мэм, я воевал с японцами, и мне довелось убить нескольких.

— Это все равно, — горько проговорила женщина, выдавила кривую улыбку и ушла.

А смерть Билли на далекой неаполитанской дороге осталась с Эрлом. Билли сделался еще одной частью большого приключения, одним из сотен тысяч погибших. Ну и кому до этого хоть какое-то дело теперь, когда вокруг реактивные самолеты и телевидение? Все это ушло в прошлое.

«Выкинь это из головы», — сказал себе Эрл.

Он опять слишком расчувствовался. Нужно было выпить.

Он пошел дальше и вскоре увидел лестницу, уходящую вниз, в полутемный бар. Там было почти пусто. Эрл пробрался в самый дальний угол и сел, с удовольствием вдыхая прохладный воздух.

Гремел музыкальный автомат.

Звучала веселая песня о поездке в Атчисон, Топику и Санта-Фе. Эта чертова баба пела так, словно готова была лопнуть от удовольствия. О поездке на поезде. Долгой веселой поездке на старинном поезде.

Обратно в Огайо — там я родился.
Я много мечтал и по свету шлялся,
Но даже не чаял дожить я до дня,
Когда в Санта-Фе поезд умчит меня.

Все поезда, которые он помнил, везли его лишь на войну, а то и куда похуже. Пока что у него оставалось еще несколько часов, прежде чем он сядет в поезд и поедет... черт знает куда!

— Что будете пить, сержант? Выбирайте что хотите, оно ваше. Одна выпивка за мой счет в честь корпуса морской пехоты США. Там из моего сына сделали человека. Убили, но сделали мужчиной.

Это был бармен.

— Сочувствую вашей потере, — сказал Эрл, ощутив рядом с собой еще одного мертвеца.

— Не стоит. Единственным хорошим поступком за всю его жизнь был бой с япошками на Окинаве. Вы там были?

— Нет, туда не попал.

— Что ж, он был плохим сыном, но в его жизни был один хороший день, когда он не побегал от проклятых япошек. Морские пехотинцы научили его смелости. А мне так и не удалось. Боже, благослови морских пехотинцев. Так что будете пить?

— У вас есть «Бун каунти»?

— Первый раз слышу о таком.

— Наверное, это арканзасское пойло. Ладно, тогда попробую вон тот «Джим Бим». Совсем чуть-чуть воды. И немного льда.

— Чу-чу-ч-буги... — пропел бармен, затем быстро смешал и подал напиток. — Вот и ваш поезд, точно по расписанию.

Оглавление

Часть 1. ВЛАЖНАЯ ЖАРА	7
Часть 2. ДНЕВНАЯ ЖАРА. <i>Август 1946 года</i>	101
Часть 3. НОЧНАЯ ЖАРА	387
Часть 4. ЧИСТАЯ ЖАРА	525
Эпилог. <i>1947 год</i>	649
От автора	664

Хантер С.

- X 19 Жарким кровавым летом : роман / Стивен Хантер ; пер. с англ. А. Гришина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 672 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-21413-2

Герой Второй мировой войны морской пехотинец Эрл Свэггер возвращается домой к мирной жизни. Ему делают заманчивое предложение: стать одним из лидеров спецотряда, набранного из молодых полицейских и призванного навести порядок в Хот-Спрингсе, небольшом провинциальном городке, где правит балом местная мафия. Все вроде бы складывается удачно, однако после очередного рейда руководство отряда вынуждено расстаться с Френчи Шортом — самым способным в отряде, но честолюбивым и не желающим подчиняться приказам. Желая отомстить, Френчи рассказывает мафии о спецотряде. В результате отряд разгромлен, живыми остаются лишь трое, включая Свэггера. Эрла снимают с должности и приказывают покинуть город. Но не такой он человек, чтобы опустить руки и не отомстить за гибель товарищей.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

СТИВЕН ХАНТЕР

ЖАРКИМ КРОВАВЫМ ЛЕТОМ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Владимир Петров
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Елена Терскова, Анна Парфенова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.08.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 42.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-RBD-38359-81-R